

В. В. ШУЛЬГИН

Взгляд и нечто

<Фрагмент>

Комната в посольстве... Роскошный ковер на всю комнату. Красивый стол, мрамор с золотом... камин.

У камина нас двое. Один бегаёт по комнате, я лежу в кресле. Он говорит:

— Да... и с этой точки зрения... поймите меня... я хочу, чтобы вы меня поняли... что?

— Ничего... я вас слушаю...

— Мне показалось, что вы не согласны... Моя мысль до вас не доходит... То, что вы говорите, неважно... неинтересно... А между тем именно вы были правы...

— Когда?

— Тогда... когда вы приехали от большевиков... в июле, в Севастополь...

— Что я говорил?

— Вы говорили... это очень трудно формулировать... вы указали... вы рассказали... что под этой... корой... этой оболочкой советской власти... совершается процесс... процессы стихийные... огромной важности... ничего не имеющие общего... с ней... с корой... с властью... с большевизмом. Процессы, которые у нас не поняли... к которым мы даже... не присматривались...

— Конкретнее!

— Конкретнее?... конкретнее — я теперь знаю... Для меня не может быть сомнений... У меня есть свидетельские показания... которым я не могу не верить... Я знаю, что война с Польшей вызвала движение, национальное движение... подъем...

— Подъем — это слишком сильно сказано. Раскол в душе многих — да... Брусиловское воззвание произвело некоторое впечатление. Оно было написано старым языком и в силу этого действовало на нервы... «За Русскую Землю» — это было уже так много.

— Нет... в Москве было больше... Был подъем... во всяком случае, было изменение психологии... Было... быть может, первое признание совпадений путей... и мы... мы этого... недооценили... что?... вы согласны со мной?..

— Да... пожалуй... Но разве вы не замечали, что давно уже — давно уже наши идеи перескочили через фронт.

Против воли моей...
Против воли твоей...

Знаете этот романс или стих, ну что-то в этом роде? Он сказал ей: «Не надо, не нужно, не должно...» Мы поставим препятствия и сделаем все, чтобы этого не было. Но если «против воли моей, против воли твоей» это будет, значит, «так в высшем решено совете...». Я говорю вздор, но все-таки это имеет отношение к делу... «Против воли моей, против воли твоей» наши идеи перескочили через фронт... И это так было. Прежде всего, мы научили их, какая должна быть армия. Когда ничтожная горсточка Корнилова, Алексеева и Деникина была их орды, — была потому, что она была организована на правильных началах — без «комитетов», без «сознательной дисциплины», то есть организована «по-белому», — они поняли... Они поняли, что армия должна быть армией... И они *восстановили* армию... Это первое... Конечно, они думают, что они создали социалистическую армию, которая дерется «во имя Интернационала», — но это вздор. Им только так кажется. На самом деле, они *восстановили* русскую армию... И это наша заслуга... Мы сыграли роль шведов... Ленин мог бы пить «здоровье учителей», эти учителя — мы... И это первая наша великая заслуга... злые силы, разрушившие русскую армию в 1917 году, мы заставили со всей энергией, на которую они способны (а ведь они самая волевая накипь нации), мы заставили работать по *нашим* предначертаниям на воссоздание *нашей* русской армии... Мы учили их не рассказом, а «показом»... Мы били их до тех пор, пока они не выучились драться... И к концу вообще всего революционного процесса Россия, потерявшая в 1917 году свою старую армию, будет иметь новую, столь же могущественную... Дальше... Наш главный, наш действенный лозунг — Единая Россия... Когда ушел Деникин, мы его не то чтобы потеряли, но куда-то на время спрятали... мы свернули знамя... А кто поднял его, кто развернул знамя? Как это ни дико, но это так... Знамя Единой России фактически подняли большевики. Конечно, они этого не говорят... Конечно, Ленин и Троцкий продолжают трубить Интернационал. И будто бы «коммунистическая» армия сражалась за насаждение

«советских республик». Но это только так сверху... На самом деле их армия била поляков, как поляков. И именно за то, что они отхватили чисто русские области. И даже если этого настроения не было... Все равно... все равно...

— Я с вами совершенно согласен... это ясно... фактически Интернационал оказался орудием... расширения территории... для власти, сидящей в Москве... До границ... до границ, где начинается действительное сопротивление других государственных организаций, в достаточной степени крепких. Это и будут естественные границы будущей... Российской державы.

— Ну, конечно... Социализм смоемся, но границы останутся... Будут ли границы 1914 года или несколько иные — это другой вопрос. Во всяком случае, нельзя не видеть, что русский язык во славу Интернационала опять занял шестую часть суши. Сила событий сильнее самой сильной воли... Ленин предполагает, а объективные условия, созданные Богом как территория и душевный уклад народа, «располагают»... И теперь очевидно стало, что, кто сидит в Москве, безразлично, кто это, будет ли это Ульянов или Романов (простите это гнусное сопоставление), принужден, «мусит», как говорят хохлы, делать дело Иоанна Калиты. «Мусит» собирать воедино русские земли. «Против воли моей, против воли твоей...» И это два... А третье, что они у нас взяли, — это принцип единоличной власти. Они твердили о диктатуре пролетариата на Большом Московском Совецании в августе 1917 года. А мы говорили: «Вздор... Управление выборным коллективом в условиях войны и революции — вздор...» И вышло по-нашему... Обе половинки России — Северная и Южная — отвергли коллектив и перешли: Южная — к единоличной диктатуре генералов... а Северная — к «двуличной» диктатуре двух дворян: одного симбирского, а другого иерусалимского... Чтобы не надоедать вам, я кончаю... Резюме. «Против воли моей, против воли твоей» — большевики:

- 1) восстанавливают военное могущество России;
- 2) восстанавливают границы Российской державы до ее естественных пределов;
- 3) готовят пришествие самодержца всероссийского.

— Разве вы не конституционный монархист?..

— Если хотите, да... десять лет Государственной думы — меня испортили... Пожалуй, мне хотелось бы, чтобы была конституционная монархия. Но надо различать... желание от возможного... Мне кажется, что желанное невозможно... После всего, что произошло, конституционная монархия вряд ли мыслима... По крайней мере, в течение ряда лет и, главным образом, вследствие причин экономических... Чтобы выйти из положения, придется каждые

полчаса подписывать героические решения... А ведь вы знаете, что русский парламент героических... ответственных... безумно смелых... решений принимать не может... Вы знаете... Где соберутся три немца, — там они поют квартет... Но где соберутся четыре русских, там они основывают пять политических партий... Поэтому и в русской действительности героические решения может принимать только один человек...

— Это будет Ленин?.. или Троцкий?..

— Нет... ибо он не будет ни психопатом, ни мошенником, ни социалистом... На этих господах висят несбрасываемые гири... их багаж, их вериги... — социализм... они не могут отказаться от социализма... они ведь при помощи социализма перевернули старое и схватили власть. Они должны нести этот мешок на спине до конца... и он их раздавит... Тогда придет Некто, кто возьмет от них их «декретность»... Их решимость — принимать на свою ответственность, принимать невероятные решения. Их жестокость — проведение однажды решенного. «Это нужно — значит, это возможно» — девиз Троцкого... Но он не возьмет от них их мешка. Он будет истинно красным по волевой силе и истинно белым по задачам, им преследуемым. Он будет большевик по энергии и националист по убеждениям. У него нижняя челюсть одинокого вепря... И «человеческие глаза». И лоб мыслителя... Комбинация трудная — я знаю... Я помню, Маклаков часто рассказывал про Ключевского, как он говорил: «Конечно, абсолютная монархия есть самая совершенная форма правления... если бы... если бы не случайности рождения...» Да, это так... и все, что сейчас происходит, весь этот ужас, который сейчас навис над Россией, — это только страшные, трудные, ужасно мучительные...

— Что?..

— Роды...

— Роды?!

— Да, роды... Роды самодержца... Легко ли родить истинного самодержца, и еще всероссийского!..

